

VOLUME 9, SEPTEMBER 2026

ISSN: 3060-4958

**UZBEKISTAN STATE WORLD
LANGUAGES UNIVERSITY**

MORE INFO:

www.lingvospektr.uz

t.me/thelinguaspectrum

CONTENTS

LINGUISTICS		4
Sapayeva B.R.	The Artistic Interpretation of the Heroic Figure in Ancient Eastern Epics such as "Gilgamesh" and the "Shahnameh"	5
Mamarasulova G.A.	Translating Political Intent in Uzbek-English Presidential Discourse	11
Abdullaeva R.X.	National-cultural specifics of reflecting the aesthetic assessment of a person in the proverbial linguistic worldview	21
Ibragimova Sh.N.	Why Does AI Understand Some People Better Than Others? A Linguistic Perspective on Human-AI Communication and the Changing Human Mind	33
Khalliyeva G.I., Bazarbayeva J.M.	The Scholarly Study of Bobojon Sanoiy's Works	41
Rustamova D. M.	Phraseology and the dynamics of suspicion: a comparative linguocultural framework for Uzbek and English detective novels	51
Usmanaliyeva S.R.	Semantic structure of national-cultural scripts in English and Uzbek phraseological units: a comparative-cognitive analysis	62
Talibjanova A.L.	The Specificity of Youth Slang in English Journalistic Discourse	71
Akhmedova G.Ya.	Comparative-typological analysis of the concept "loneliness" in English and Uzbek lexicographical sources	78
Khakimova D.I.	Intensity and Typology of Hybridization within Digital Platforms (Materials from Telegram, TikTok, Instagram, Facebook)	85
Ismatov J.I.	Contemporary Trends in the Development of English Cultural Linguistics: Insights from Recent UK Studies	95
Borijonova G.Z.	Jean Rhys's Postcolonial Feminist Response to Brontë's Jane Eyre	102
Nazarova G.A.	The introduction and adaptation of English loanwords into the Uzbek language in the context of globalization	111
Olimova M.X.	Artistic interpretations of the symbol of seven in Uzbek national literary thought	122
Kuchkarov Sh.A.	Transformation of the information and communication environment under the influence of generative artificial intelligence	129
Djumabayeva J.Sh., Atadjanova M.I.	Classification of adverbs in English and Uzbek linguistics: similarities and differences in theoretical approaches	138
Usmonov O.I. Mukhiddinova D.Sh.	Pragmatics of indirect speech in the Russian and Uzbek communicative space	149
Sodiqova S.I., Mukhiddinova D.Sh.	Beyond the proper name: secondary person nominations as markers of social identity in digital media discourse	156

Pragmatics of indirect speech in the Russian and Uzbek communicative space

Usmonov Otabek Ikboljon ugli
oi.usmanov@mail.ru

Lecturer,
Uzbekistan State World Languages University

Mukhiddinova Dilyora Sherzodovna
dilyoramuhiddinova2@gmail.com

Student,
Turin Polytechnic University in Tashkent

Annotation *The article presents a comparative study of the pragmatics of indirect speech in Russian and Uzbek communicative cultures. Drawing on dialogic fragments from fiction, conversational speech, and everyday communication, it examines how universal mechanisms for producing and interpreting indirect speech acts, described in implicature theory and speech act theory, are realized in the two linguocultures. The methodology combines comparative pragmalinguistic, contextual, and functional-semantic analysis. The findings indicate that the use of indirectness is associated with politeness norms, status-role relations, and culturally shaped communicative expectations. In the Russian material, indirectness is largely related to the degree of situational formality and status distance, whereas in the Uzbek material deference to elders and the category of andisha play a substantial role. Particular attention is paid to requests, directives, and refusals. The results are relevant to intercultural communication theory, language pedagogy, pragmatics, and translation studies.*

Keywords *Indirect speech act, pragmatics, implicature, politeness, speech etiquette, intercultural communication*

Rus va o'zbek kommunikativ makonida bilvosita ifoda pragmatikasi

Usmonov Otabek Ikboljon o'g'li
oi.usmanov@mail.ru

O'qituvchi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Muxiddinova Dilyora Sherzodovna
dilyoramuhiddinova2@gmail.com

Talaba,
Toshkent shahridagi Turin Politexnika universiteti

Annotatsiya *Maqolada rus va o'zbek kommunikativ madaniyatlarida bilvosita ifodaning pragmatik xususiyatlari qiyosiy o'rganiladi. Badiiy adabiyot, so'zlashuv nutqi va kundalik muloqotdagi dialogik parchalar asosida implikatura nazariyasi hamda nutqiy aktlar nazariyasida tavsiflangan bilvosita nutqiy aktlarni yaratish va talqin qilish mexanizmlarining ikki lingvomadaniyatda qanday namoyon bo'lishi tahlil qilinadi. Tadqiqotda qiyosiy pragmalingvistik, kontekstual va funksional-semantik tahlil metodlaridan foydalanilgan. Natijalar bilvositalikning qo'llanishi xushmuomalalik me'yorlari, maqom-rol munosabatlari va madaniy jihatdan*

shakllangan kommunikativ kutilmalar bilan bog'liqligini ko'rsatadi. Rus materialida bilvositalik ko'proq vaziyatning rasmiyligi va maqom masofasi bilan, o'zbek materialida esa kattalarga hurmat hamda andisha kategoriyasi bilan bog'liq holda namoyon bo'ladi. Iltimos, undash va rad etish nutqiy aktlariga alohida e'tibor qaratiladi. Natijalar madaniyatlararo muloqot, lingvodidaktika, pragmatika va tarjimashunoslik uchun ahamiyatlidir.

Kalit so'zlar *Bilvosita nutqiy akt, pragmatika, implikatura, xushmuomalalik, nutqiy etiket, madaniyatlararo muloqot*

Прагматика косвенного высказывания в русском и узбекском коммуникативном пространстве

Усмонов Отабек Икболжон угли
oi.usmanov@mail.ru
Преподаватель,
Узбекский государственный университет
мировых языков

Муриддинова Дилёра Шерзодовна
dilyoramuhiddinova2@gmail.com
Студент,
Туринский политехнический
университет в Ташкенте

Аннотация *Статья посвящена сопоставительному изучению прагматики косвенного высказывания в русской и узбекской коммуникативных культурах. На материале диалогических фрагментов художественной литературы, разговорной речи и бытового общения рассматривается реализация универсальных механизмов порождения и интерпретации косвенных речевых актов, описанных в теории имплицатур и теории речевых актов. Методологическую основу составляют сопоставительный прагмалингвистический, контекстуальный и функционально-семантический методы. Анализ показывает, что различия в функционировании косвенности связаны с нормами вежливости, статусно-ролевыми отношениями и культурно обусловленными коммуникативными ожиданиями. В русском материале косвенность в значительной мере соотносится со степенью официальности ситуации и статусной дистанцией, тогда как в узбекском материале существенную роль играют почтительность к старшим и категория andisha. Особое внимание уделяется речевым актам просьбы, побуждения и отказа. Полученные результаты значимы для теории межкультурной коммуникации, лингводидактики, прагматики и переводоведения.*

Ключевые слова *Косвенный речевой акт, прагматика, имплицатура, вежливость, речевой этикет, межкультурная коммуникация*

Введение

Косвенное высказывание – это один из наиболее показательных объектов лингвопрагматического анализа, поскольку в нём напрямую обнажается несовпадение буквального языкового значения и коммуникативного смысла, извлекаемого адресатом в конкретной ситуации общения. Начиная с классических работ Дж. Остина (1962) и Дж. Сёрля (1975), косвенность рассматривается как закономерное свойство естественной коммуникации, а не как отклонение от нормы: говорящий сознательно выбирает опосредованную форму выражения интенции, рассчитывая на способность слушающего восстановить подразумеваемый смысл на основе контекста и общих коммуникативных конвенций.

Особую актуальность сопоставительное изучение косвенных высказываний приобретает в условиях полиэтничного и полилингвального коммуникативного пространства, где русский и узбекский языки находятся в состоянии длительного и интенсивного контакта. Несмотря на общность логико-семантических механизмов порождения косвенных смыслов, конкретные стратегии их использования оказываются культурно обусловленными: то, что в одной лингвокультуре воспринимается как норма вежливой сдержанности, в другой может быть истолковано как избыточная формальность или, напротив, недостаточная почтительность.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет сопоставительный прагмалингвистический анализ, опирающийся на теорию речевых актов (Austin, 1962; Searle, 1975) и теорию имплицатур (Grice, 1975). Для описания стратегий вежливости привлекается модель позитивной и негативной вежливости

(Brown, Levinson, 1987), позволяющая интерпретировать косвенность как способ минимизации угрозы лицу адресата. Дополнительно используется контекстуальный и функционально-семантический анализ высказываний, а также элементы этнолингвистического подхода, учитывающего специфику ценностных категорий узбекской коммуникативной культуры, в частности категорий *andisha* (осмотрительность, сдержанность) и *uyat* (стыд, недопустимость социально неприемлемого поведения). Материалом исследования послужили диалогические фрагменты из художественной литературы, разговорной речи и бытового общения на русском и узбекском языках, а также данные, приводимые в работах Н. И. Формановской (1989) и Ш. Сафарова (2008).

Теоретические основы косвенного речевого акта

Согласно классическому определению Дж. Сёрля, косвенный речевой акт имеет место тогда, когда говорящий совершает один иллокутивный акт, произнося высказывание, буквальное значение которого соответствует другому иллокутивному акту (Searle, 1975). Так, вопрос «Не могли бы вы закрыть окно?» по форме является запросом информации о способности адресата, однако по коммуникативной функции представляет собой побуждение к действию. Интерпретация подобных высказываний опирается на постулаты кооперации (Grice, 1975): нарушение постулата способа или количества информации сигнализирует адресату о необходимости вывести дополнительный, небуквальный смысл. При этом важно подчеркнуть, что успешность косвенного акта обеспечивается не столько самой формой, сколько разделяемым коммуникантами фондом пресуппозиций и конвенциональных ожиданий: чем выше

степень культурной общности участников, тем меньший объём эксплицитных сигналов требуется для корректного вывода импликатуры.

Косвенность в русском и узбекском коммуникативном пространстве

В русском коммуникативном пространстве косвенность выражения побуждения тесно связана с категорией вежливой дистанционности. Наиболее частотными средствами смягчения прямого требования выступают модальные конструкции с отрицанием (Не могли бы вы..., Не затруднит ли вас...), сослагательное наклонение (Я хотел бы попросить...) и вопросительные формы, формально ориентированные на возможность или готовность адресата выполнить действие. Как отмечает Н.И. Формановская (1989), выбор косвенной формы в русском речевом этикете регулируется прежде всего степенью официальности ситуации и статусной дистанцией между коммуникантами, тогда как в неформальном общении между близкими людьми косвенность нередко уступает место прямым, но эмоционально маркированным формулировкам. Показательно, что в русской модели наращивание степени косвенности прямо пропорционально росту социальной дистанции: переход от «Закрой окно» к «Не могли бы вы закрыть окно?» маркирует не столько усиление вежливости как таковой, сколько признание автономии и права адресата отказать. Тем самым косвенность здесь выполняет преимущественно дистанцирующую, а не интегрирующую функцию.

Узбекское коммуникативное пространство демонстрирует принципиально иную мотивацию косвенности, опирающуюся на традиционные ценности коллективистской культуры – почтительное отношение к старшим, сохранение группового согласия и категорию *andisha*, предполагающую осмотрительность в выборе слова (Сафаров,

2008). Прямой отказ или прямое требование, адресованное человеку более высокого статуса или преклонного возраста, воспринимается как нарушение этикетной нормы независимо от степени официальности ситуации. Поэтому косвенные стратегии, обращение через посредника, использование безличных конструкций, апелляция к общему обычаю, функционируют не только как средство смягчения категоричности, но и как обязательный компонент социально приемлемого поведения (Абдуазизов, 1995). В отличие от русской модели, где косвенность факультативна и «включается» ситуативно, в узбекской традиции она носит презумптивный характер: адресат высокого статуса ожидает опосредованной формы по умолчанию, а её отсутствие интерпретируется как значимое нарушение, несущее самостоятельную негативную импликацию о невоспитанности или неуважении говорящего.

Сопоставление стратегий речевого акта отказа демонстрирует наиболее значимые различия. В русской коммуникативной традиции прямой отказ допустим при условии сопровождающего объяснения причины (Не могу, потому что...), что рассматривается как способ сохранения позитивного лица говорящего: эксплицируя мотив, говорящий демонстрирует, что отказ вызван объективными обстоятельствами, а не пренебрежением к адресату. В узбекской традиции прямой отказ, особенно на приглашение или просьбу старшего, стремятся избегать вовсе: используются формулы отложенного согласия (*ko'ramiz, harakat qilaman* – посмотрим, постараюсь), которые формально не отрицают просьбу, однако имплицитно сигнализируют об отказе и требуют от адресата дополнительной интерпретативной работы, опирающейся на паралингвистические и ситуативные факторы – интонацию, паузу, мимику, отсутствие последующего

подтверждения. Такое «мягкое», отложенное несогласие позволяет обоим участникам сохранить лицо и избежать открытого рассогласования, которое в коллективистской культуре расценивается как угроза групповой гармонии.

Существенно, что асимметрия проявляется и в самой природе интерпретативного усилия. Если в русской модели адресату достаточно распознать конвенциональный характер вопросительной формы («Не могли бы вы...» ≈ просьба), то в узбекской модели корректная интерпретация формулы отложенного согласия невозможна без учёта широкого социокультурного контекста: одно и то же выражение *harakat qilaman* способно означать и искреннее намерение выполнить просьбу, и вежливый отказ, а разграничение этих смыслов возлагается на фоновые знания и наблюдение за невербальным поведением. Тем самым узбекская косвенность предъявляет к коммуникантам более высокие требования к социокультурной компетенции, а её адекватная передача средствами другого языка оказывается принципиально затруднённой.

С точки зрения теории вежливости (Brown, Levinson, 1987), обе лингвокультуры используют косвенность как стратегию негативной вежливости, минимизирующую угрозу свободе действия адресата. Однако в русском коммуникативном пространстве данная стратегия ориентирована преимущественно на индивидуальную автономию собеседника, тогда как в узбекском ориентирована на сохранение группового согласия и статусной иерархии, что сближает узбекскую модель с описанными в литературе моделями позитивной вежливости, ориентированными на групповую гармонию (Вежбицкая, 1996). Иными словами, при внешнем сходстве языковых форм их прагматическая нагрузка оказывается различной: русская

косвенность защищает границы личности, узбекская – целостность социальной группы и иерархических отношений в ней. Это наблюдение согласуется с принципом такта в модели Дж. Лича (Leech, 1983), однако показывает, что реализация данного принципа культурно вариативна и не может быть описана вне системы ценностей конкретного сообщества. Полученные данные, таким образом, подтверждают тезис о том, что прагматические универсалии задают лишь общую рамку, наполнение которой всегда лингвокультурно специфично.

Отдельного внимания заслуживает механизм косвенной просьбы, реализуемый через апелляцию к состоянию говорящего или к внешним обстоятельствам. В русском общении распространены высказывания-намёки, формально описывающие положение дел (Что-то дует от окна, Здесь так шумно), из которых адресат выводит побуждение к действию. Подобные конструкции опираются на нарушение постулата релевантности (Grice, 1975): сообщение о факте, не имеющем самостоятельной коммуникативной ценности в данной ситуации, интерпретируется как имплицитная просьба. В узбекской традиции аналогичный приём осложняется дополнительным статусным измерением: намёк, адресованный старшему, должен быть построен так, чтобы не только смягчить побуждение, но и подчеркнуть почтительную позицию говорящего, вследствие чего косвенность нередко сопровождается этикетными формулами извинения и самоуменьшения, снижающими имплицитную нагрузку на адресата.

Показательны и различия в реакции на косвенное побуждение. В русской коммуникативной культуре адресат вправе эксплицитно отреагировать на буквальное содержание намёка, переведя его в разряд шуток или демонстративного непонимания, что рассматривается как допустимая

коммуникативная игра между равными. В узбекском пространстве подобная реакция на просьбу старшего практически исключена: даже распознав косвенный характер высказывания, адресат обязан отреагировать на подразумеваемый смысл, поскольку игнорирование импликатуры воспринимается как нарушение иерархической субординации. Тем самым косвенность в узбекской культуре оказывается не только стратегией порождения смысла, но и жёстко регламентированной системой обязательных ответных ходов, что сближает её с ритуализованными формами речевого поведения.

Наконец, сопоставительный анализ обнаруживает различную роль паралингвистических и невербальных средств в поддержании косвенности. В русской модели косвенный смысл в большинстве случаев декодируется на основании самой языковой формы и конвенциональных признаков вежливости, тогда как в узбекской модели существенная часть интерпретативной нагрузки перераспределяется на интонацию, паузу, взгляд, дистанцию и другие невербальные маркеры. Это означает, что узбекская косвенность носит более выраженный контекстно-зависимый характер и предъявляет к участникам общения повышенные требования к владению не только языковым кодом, но и системой культурно закреплённых поведенческих сигналов. Данное наблюдение имеет прямые следствия для лингводидактики: обучение узбекскому речевому этикету не может быть сведено к усвоению набора вежливых формул и требует формирования целостной социокультурной компетенции.

Заклучение

Проведённый сопоставительный анализ показывает, что косвенное высказывание в русском и узбекском коммуникативном пространстве опирается на единые логико-прагматические механизмы, описанные в теории речевых актов и теории импликатур, однако конкретные стратегии косвенности культурно специфичны. В русской коммуникативной культуре косвенность в первую очередь регулируется степенью официальности ситуации и статусной дистанцией, служа средством вежливой дистанцированности между автономными участниками общения.

В узбекской коммуникативной культуре косвенность в значительной степени детерминирована традиционными ценностями коллективизма, категориями почтительности к старшим и *andisha*, что делает её не факультативным стилистическим приёмом, а нормативно обязательным компонентом социально приемлемого речевого поведения. Отказ, просьба и побуждение в узбекском общении систематически реализуются через опосредованные, имплицитные формы, требующие от адресата развитой контекстуальной и социокультурной компетенции.

Выявленные различия имеют существенное значение для теории и практики межкультурной коммуникации, а также для перевода: буквальная передача косвенных высказываний без учёта культурно обусловленных прагматических конвенций способна привести к коммуникативным сбоям и неверной интерпретации коммуникативного намерения говорящего.

References:

1. Abduazizov, A. A. (1995). *Umumiy tilshunoslik*. O'qituvchi.
2. Arutyunova, N. D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy*. Nauka.

3. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Clarendon Press.
4. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
5. Formanovskaya, N. I. (1989). *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya*. Vysshaya shkola.
6. Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics: Vol. 3. Speech acts*. 41–58. Academic Press.
7. Leech, G. N. (1983). *Principles of pragmatics*. Longman.
8. Safarov, Sh. (2008). *Pragmalingvistika*. O'zbekiston milliy ensiklopediyasi.
9. Searle, J. R. (1975). Indirect speech acts. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics: Vol. 3. Speech acts*. 59–82. Academic Press.
10. Usmonov, O. I. (2024a). K voprosu o svyazi otsenchnosti s emotsional'nost'yu i ekspressivnost'yu. *Interpretation and Researches*, 2(18), 72–75.
11. Usmonov, O. I. (2024b). Semantika i pragmatika istoricheskikh onomasticheskikh edinit Shelkovogo puti v russkom yazyke. *Science and Innovation*, 3(Special 46), 268.
12. Usmonov, O. I. (2025). Rol' metafory i obraznykh konstruktsiy v formirovanii politicheskoy otsenki. *Conferences*, 1(9), 470–474.
13. Wierzbicka, A. (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Russkie slovari.